

ТОЛСТАЯ ТЕТРАДЬ

Экономикс, сиречь наука экономическая

«Арифметика, сиречь наука числительная» — так назывался первый изданный в России печатным способом учебник (1703 г.), написанный преподавателем Школы математических и навигацких наук Л. Ф. Магницким. А первой книгой, набранной новым гражданским шрифтом, введенным Петром I, был тоже учебник — «Геометрия, словенски землемерие», переведенный с немецкого сподвижником царя Я. В. Брюсом и отредактированный самим Петром (1708 г.).

Отражали ли названия этих и подобных учебников колебания авторов, переводчиков, издателей между иноязычной и русской научной терминологией или они просто хотели донести до россиян уже в заголовке смысл того или иного термина, судить трудно. Бесспорно лишь, что попытки широкой замены иноязычных научных терминов «словенскими» (например, дифференциального исчисления — «разнственным», интегрального — «целственным»), исходившие, кстати, от первых академиков-иностранцев, не удались. И научная терминология в России и поныне в основном пользуется словами греческого или латинского происхождения.

Случилось так, что возрождение экономической науки в России сегодня также начинается с издания переводов западных учебников. Одной из первых ласточек, «делающих весну», можно считать перевод учебника К. Макконнелла и С. Брю.¹ Но вот выбранное издательством название учебника — «Экономикс» — не может не повергнуть в изумление.

В самом деле, во имя чего понадобилось почти через 30 лет после выхода русского перевода аналогичного по содержанию учебника П. Самуэльсона «Экономика» коверкать русский язык, заменяя понятное всем слово «экономика» смешным и нелепым «экономикс»? По-

¹ К. Макконнелл, С. Брю. Экономикс (общая редакция перевода и предисловие А. А. Пороховского). Т. 1, 2. М.: Республика, 1992.

чему издательство и редактор перевода решили вынести на обложку транслитерированное русскими буквами английское слово «Economics», да еще в американском варианте произношения?² Неужели лишь потому, что авторы учебника американцы? Ну а если бы издательству случилось выпускать перевод подобного учебника с немецкого языка, на обложке бы красовалось — «Фольксвиртшафтслере»? Ибо именно так — «Volkswirtschaftslehre» (буквально — учение о народном хозяйстве) называется в Германии наука и учебная дисциплина, именуемая в англоязычных странах «Economics».

Автор предисловия к русскому изданию А. А. Пороховский ошибается, объясняя выбор названия «повсеместным распространением термина “экономикс”». Не только в английском или немецком, но и в других языках существуют и активно используются свои термины для названия экономической теории. Во Франции это «Économie», в Испании — «Economía», в Швеции — «Nationalekonomi», в Финляндии — «Talouselämä» (учение о хозяйстве), в Турции — «Ulusal ekonomi» (национальная экономика). Ну а в Греции, как и во времена Ксенофонта, — «Οικονομία». Так что никаких оснований говорить о «повсеместном распространении термина “экономикс”» нет. Сфера его распространения ограничена сферой распространения английского языка (или английской терминологии).

А что же русский язык? Как считают многие, в XX веке русский язык, как и другие элементы культуры, был подвергнут существенной идеологизации. В частности, одной из таких идеологем и явилось несущее явно негативную, уничижительную характеристику слово «экономикс». Им обозначалась (клеймилась) чуждая «нам», не «наша», не являющаяся «одной из трех составных частей марксизма-ленинизма», «буржуазная» экономическая наука.

В 1966 г. издательство «Экономика» выпустило монографию Н. К. Каратаева «“Economics” — буржуазная политическая экономия». Этот заголовок, напоминающий нечто вроде «смеси французского с нижегородским», естественно, спровоцировал транслитерацию первого слова русскими буквами сначала в устной, а затем и в письменной речи.

Откроем четвертый том энциклопедии «Политическая экономия» (М.: Советская энциклопедия, 1980) на странице 453 и прочтем: «Экóномикс (economics), термин бурж. экономич. лит-ры, синтез бурж. неоклассических и неокейнсианских теорий, объединенных общим представлением о предмете экономич. науки, общими методологич. принципами, единой социальной направленностью в защиту интересов крупного монополистич. капитала». Вслед за этим определением перечислены главные представители «экономикс», среди которых мы

² В английском варианте слово «Economics» следовало бы транслитерировать — «Икономикс», что звучало бы для русскоязычного читателя еще смешнее и нелепее.

встретим имена У. Джевонса, К. Менгера, Л. Вальраса, А. Маршалла, В. Парето, Э. Чемберлина, Дж. Робинсон, Л. Роббинса. Понятно, что называть такой «синтез буржуазных теорий» экономикой, а тем более экономической теорией, значило бы оказать ему слишком большую честь. Пойди, разбери тогда, в самом деле, где наука, а где лженаука.

Что же такое этот таинственный (или таинственная?) «Экономикс», в русле которого (или которой?) работали все крупные экономисты-теоретики последних полутора веков? «Что это, — спросим вместе с А. А. Пороховским, — новое выражение (!) политэкономии или просто привычная для нас экономика?» И подивимся его ответу — «Ни то, ни другое».

Ответить на поставленный вопрос нельзя, не коснувшись истории другого, конкурирующего термина — «политическая экономия». Греческое слово «οἰκονομία» (экономия) вплоть до XVII века использовалось многими в его первоначальном значении — домоводство, домостройство (по В. Далю), т. е. управление семейным, домашним хозяйством (отсюда русское «эконом», «экономка»). Оно было введено как название новой науки греческим писателем и историком Ксенофонтом (430—355 до н. э.) в диалоге Οἰκονομικός. Определение «политическая» (от греч. «πολίξ» — город — государство) позволило образовать составной термин «политическая экономия» для обозначения управления «большой семьей», «большим домом» — государством; не домашним, а национальным хозяйством.

Новый термин обязан своим появлением французскому писателю Антуану де Монкретьену, автору посвященного молодому королю Людовику XIII и королеве-матери Марии Медичи трактата «*Traite de l'oeconomie politique dedie eu 1615 au roy et la reyne mere du roy*» (курсив «Экономической школы» — Э. Ш.). Как считают современные французские исследователи, термин «oeconomie politique» (политическая экономия) был «изобретен»³ Монкретьеном в целях активного противодействия распространению идеи о том, что политика и экономика — это две отдельные, самостоятельные сферы: сфера государства, с одной стороны, и сфера промышленников и торговцев, с другой.

Практически речь шла об установлении жесткого правительственного контроля над рынком. Предлагая королю «урегулировать всю мелкую торговлю в королевстве», Монкретьен ссылается на теоретическое

³ Правда, впервые он встречается в приписываемом Аристотелю трактате, обнаруженном в XIII в. См.: Dictionary of Political Economy, ed. by R. H. Palgrave. London: Macmillan and Co., 1901. Vol. 1. P. 678.

А. Онкен, историк экономической мысли, считал, впрочем, что словосочетание «l'oeconomie politique» не принадлежит Монкретьену и «было вставлено в последний момент по чьему-то совету». Дело в том, что употреблено оно лишь на титульном листе, в самой же книге оно не встречается, тогда как в цензорском разрешении на ее печатание трижды говорится: «livre intitule: Traite oeconomique du Trafic» (книга, озаглавленная: Трактат по экономической торговле). См.: А. Онкен. История политической экономии до А. Смита. СПб., 1908.

положение, «что основа ценности неизменна, тогда как рыночные цены зависят в большей или меньшей степени от множества обстоятельств». ⁴ С легкой руки Монкретьена новый термин вскоре вошел в употребление, прежде всего в странах с абсолютистской формой правления. ⁵ Но уже во второй половине XVIII века в той же Франции группа, называвшая себя сначала «экономистами», а затем «физиократами» (Ф. Кенэ, А. Тюрго, П. Дюпон де Немур, П. Мерсье де ла Ривьер и др.), провозгласила, что наилучшим для национальной экономики является не государственное управление, а совсем наоборот, невмешательство государства в экономические процессы, «естественные» законы которых они и начинают изучать. Суть провозглашенного ими лозунга «laissez faire, laissez passer» (пусть все идет, как идет) — в требовании неограниченной свободы, сообразной «естественному порядку». Одновременно в Англии А. Смит формулирует знаменитую «теорему о невидимой руке», согласно которой всякий производитель, преследуя свои собственные интересы, «как бы невидимой рукой» направляется к служению общему благу, так что не возникает никакой надобности, а тем более необходимости, в государственном вмешательстве в рыночный механизм.

Итак, главная идея «Трактата о политической экономии» Монкретьена отвергнута усилиями физиократов и А. Смита, а затем отброшена и ходом событий. Но, и в этом ирония истории, сам «изобретенный» Монкретьеном термин надолго закрепился в качестве имени науки, изучающей законы хозяйственной жизни, предоставленной себе самой. Более того, Ф. Кенэ и А. Смит были удостоены потомками звания «отцов» политической экономии.

С начала XIX века начинается эрозия постепенно терявшего «первородный» смысл термина. Уже в названии главной работы Д. Рикардо «Начала политической экономии и налогообложения» (1818) заметно стремление отделить вопросы налогообложения, как сферу государственной политики, от собственно экономической теории, за которой, однако, сохраняется название политической экономии. Подобное же стремление видно и в названии главного экономического труда Дж. С. Милля «Principles of Political Economy with some of their applications to social philosophy» (1848), бесцеремонно усеченном в советском издании 1980 г. до «Основ политической экономии». Кафедру, учрежденную в 1819 г. в Парижской Консерватории искусств и ремесел для французского последователя Смита Ж.-Б. Сэя, называют кафедрой

⁴ Цит. по: П. Б. Струве. Хозяйство и цена. Ч. 1. М., 1913. С. 91 (пер. с франц. «Э. Ш.»).

⁵ Любили в XVII веке определение «политическая». Вспомним названия главных произведений В. Петти: «Политическая анатомия Ирландии» (1672), «Политическая арифметика» (1676).

«промышленной экономии» с явным намерением избежать упоминания экономии политической.

Наконец, в 1845 г. французский экономист Жозеф Гарнье (1813—1881) прямо предлагает заменить термин «политическая экономия» термином «экономика»: «*Политическая Экономия* (государственное хозяйство), которую многие называют *Общественной Экономией* (общественное хозяйство) и которую мы предлагаем просто называть *Экономикою...*» (И. Гарнье. Начальные основания политической экономии. СПб.: Изд. В. Ососова, 1858, с. 6). Понятно, что это предложение Гарнье формулирует не на английском, а на французском языке.

В середине века известно уже множество альтернативных вариантов для замены термина «политическая экономия». Среди них: хрематистика и каталлактика, хризология и плутономия, плутология и эргономика, социальная экономия и социальная экономика, и просто — экономическая наука (англ. — *economics*).⁶ В итоге, после выхода в 1891 г. книги А. Маршалла «*Principles of Economics*» термин «политическая экономия» быстро и почти повсеместно выходит из употребления.

Но заменяется ли он столь же повсеместно термином «*Economics*»? Конечно, нет. В Италии книга А. Маршалла выходит под названием «*Principi di Economia*». Во Франции учебник П. Самуэльсона «*Economics*» выходит под названием «*L'Économique*». Зато английский перевод книги Л. Вальраса «*Elements d'économie politique pure*» выходит в Лондоне под названием «*Elements of Pure Economics*».

Эти примеры можно было бы продолжить, но и без того ясно, что сегодня экономическая теория существует, развивается и преподается в каждой стране под названием, соответствующим национальному языку этой страны. Это вовсе не курс, параллельный некой «политической экономии», и не синтез «достижений всех экономических

⁶ См.: Л. Коссе. История экономических учений. Южнорусское книгоизд-во Ф. А. Иогансона, 1900. С. 55–58.

Термин «каталлактика» (*catallactics*) — наука об обмене (от гр. *καταλλαττειν* — обмениваться) был предложен в 1831 г. Р. Уайтли (1787–1863), профессором политической экономии в Оксфорде (1829–1831), впоследствии (1831–1862) архиепископом Дублина. «Глагол *καταλλαττω* или *καταλλαττω* значил: меняю, промениваю, примиряю (*commuto, permuto, reconcilio, concilio*); прилагательное *καταλλακτικος* означало: мирный, примирительный (*placabilis, placidus*); таким образом, в названии каталластики выражались два основных момента науки — меновые отношения предметов и гармония экономических интересов» (Примечание М. Н. Веселовского к переводу книги: Г. Д. Маклеод. Основания политической экономии. СПб.: Изд. Н. Тиблена, 1865. С. 13). В XX в. в поддержку этого термина высказывались Дж. Хикс, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, в России — П. Б. Струве (См.: Ф. А. Хайек. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992. С. 192–194; П. Б. Струве. Цит. соч. С. 3–26). Суть приводимой ими аргументации в том, что «рыночная экономика, строго говоря, не является “экономикой”, т. е. “хозяйством”» (Ф. Хайек, с. 193); это скорее «“псевдохозяйство”, ибо оно есть лишенная телеологического единства стихийно слагающаяся система отношений между хозяйствами» (П. Б. Струве, с. 5). Вот как изменились представления о самом объекте, изучаемом экономической наукой, по сравнению с теми, из которых исходили Ксенофонт и Монкретьен.

наук»,⁷ в чем пытается убедить читателя автор редакционного предисловия к учебнику К. Макконнелла и С. Брю. Это — основная, или, как у нас говорят, фундаментальная экономическая наука и основа экономического образования. Как писал Дж. М. Кейнс: «Это скорее метод, чем доктрина, инструмент разума, техника мышления, которая помогает тем, кто владеет ею, приходиться к правильным заключениям».

О соотношении терминов «Экономикс» и «Политическая экономия» можно судить по названию учебника Д. Р. Фасфилда (D. R. Fusfeld) — «Economics, Principles of Political Economy» (Glenview, Scott, Foresman and Co., 1982, XVIII, 718 p.). Это название по существу воспроизводит первые слова книги А. Маршалла — «Political economy or Economics is...» (Политическая экономия, или экономическая теория есть...). Хотя, конечно, в ряде университетов, особенно английских, традиционно сохраняются кафедры политической экономии, а в Чикаго второй век издается всемирно известный Journal of Political Economy. В некоторых учебных курсах экономической теории под названием политической экономии выделяется раздел, охватывающий проблемы общественного выбора, баланса эффективности и справедливости, роль государства.

В Россию термин «политическая экономия» проник с Запада и к концу XIX века он полностью вытеснил такие, также заимствованные заголовки, как «Основы государственного хозяйства» (Хр. Шлецер, 1805) или «Начала народного хозяйства» (И. Бабст, 1872).⁸ В 90-х годах выходят курсы политической экономии А. Чупрова, А. Исаева, А. Скворцова, Л. Ходского, И. Иванюкова, многих других авторов. Но уже в 1898 г. в статье «Политическая экономия», помещенной в XXIV томе знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, отмечается спорность традиционного термина.

Дальнейшую судьбу термина «политическая экономия» в России удобно проследить по Энциклопедическому словарю братьев Гранат, выдающейся русской универсальной энциклопедии. Уникальность этого издания не только в том, что к его составлению удалось привлечь интеллектуальную элиту тогдашней России, а общую редакцию осуществляли профессора Московского университета Ю. С. Гамбаров, В. Я. Железнов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев, К. А. Тимирязев, но и в том, что его издание растянулось почти на 40 лет, с 1910 по 1948 гг., первые 33 тома вышли до 1917 г., а последующие 25 — после. Таким образом, на страницах словаря Гранат, вышедшего на рубеже двух эпох, по-своему отразился этот переломный период русской истории.

⁷ Вспомните о «синтезе буржуазных...».

⁸ Заметим, что авторы первых в России курсов экономической теории устояли перед соблазном простой транслитерации французских, немецких, английских терминов, сумели найти соответствующие русские термины-кальки.

Что же говорится о «политической экономии» в этом словаре? В столбце 501 (в словаре нумеровались не страницы, а столбцы текста) 32-го тома, вышедшего в 1915 г., прочтем одну, всего лишь одну фразу: «Политическая экономия, см. *экономика* и *экономическая политика*». Кажется, с «политической экономией» покончено. Следуем рекомендации, смотрим — «экономика». Между этими двумя терминами 19 томов словаря и 18 лет, 2 революции, гражданская война, НЭП, реконструкция, первая пятилетка. Что ждет нас в 51-ом томе, выпущенном в 1933 году?

Читаем: «Экономика, термин, который раньше, следуя классификации наук О. Конта, применялся у нас для обозначения экономической политики как дисциплины прикладной, в отличие от политической экономии (см. *экономика политическая*), как науки теоретической; в настоящее время (! — «Э. Ш.»), напротив, по примеру англо-американской литературы, этим термином обыкновенно (! — «Э. Ш.») обозначают теоретическую экономию. Термином Э. пользуются также для обозначения совокупности условий какой-либо страны или местности либо организации и условий развития какой-либо отрасли народного хозяйства» (т.51, столбцы 213–214).

Ах, если бы эти замечательные слова, включая и такие, как «у нас... в настоящее время... обыкновенно», соответствовали реалиям 1933 года... Увы, все это не более, чем интеллигентские благоглупости.⁹ На деле все значительно сложнее и... хуже.

Среди европейских и русских марксистов существовало мнение, что социалистическая революция будет и концом политической экономии, как науки (Р. Люксембург, Р. Гильфердинг, Н. Бухарин).¹⁰ Оно разделялось и рядом профессиональных экономистов, прошедших искушение марксизмом. Так, один из крупнейших экономистов дореволюционной России М. И. Туган-Барановский писал: «В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины, напр., статистика, — должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в *теорию экономической политики* (курсив «Э. Ш.»), частью войдет в состав более общей науки об обществе — социологии».¹¹

⁹ Быть может, эта статья была подготовлена еще до 1917 г. и попала в 51-й том по недосмотру цензуры.

¹⁰ Это мнение в определенной мере восходит к словам К. Маркса: «Точно также, как *экономисты* служат учеными представителями буржуазного класса, *социалисты* и *коммунисты* являются теоретиками класса пролетариата» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. С. 146). Очевидно, что ликвидация буржуазии как класса означала и исчезновение экономистов как его «ученых представителей».

¹¹ М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. Изд. 4-е. Петроград, 1917. С. 17–18.

И жизнь не заставила себя ждать. Вскоре после революции преподавание политической экономии заменяется курсом теории советского хозяйства, а с 1933 г. вместо него в вузах стал изучаться курс экономической политики, который носил конкретно-описательный характер и преследовал весьма прагматическую цель — дать изложение экономической политики партии в конкретно-исторических условиях. Вопросы теории рассматривались во вводной части, составлявшей примерно 15% всего курса.¹² И вновь ирония истории — отбросив имя, данное науке о народном хозяйстве Антуаном де Монкретьеном, была реанимирована основная идея, сам дух его «Трактата», экономика вновь «воссоединилась» с политикой, была подчинена ей.

А что же с термином «политическая экономия»? Мы расстались с ним на 513 столбце 51-го тома Энциклопедического словаря Гранат, прочитав статью «Экономика», и не обратили внимания на стоящую в скобках отсылку — «см. *экономика политическая*». Вспомним, что в статье «политическая экономия» в 32 томе словаря никакой отсылки к «экономии политической» не было, видимо, она появилась уже при новом режиме (и после преобразования издательства «Братя Гранат и К°» в АО «Русский библиографический институт Братя Гранат и К°»), когда состав редакции и круг авторов изменились.

Действительно, в том же 51 томе мы находим занимающую 23 страницы статью «Экономия политическая» (столбцы 375–422), написанную известным экономистом С. И. Солнцевым (1872–1936). Он известен написанными еще до 1917 г. работами по вопросам народного потребления, теории распределения и заработной платы. Но теперь (1933 г.) С. И. Солнцев уже член Совета по исследованию производительных сил (СОПС), академик АН УССР и СССР (с 1929 г.). Как же характеризует Сергей Иванович, автор специальной работы «Введение в политическую экономию. Предмет и метод» (1922 г.) «экономии политическую» теперь, в 1933 г.?

Конечно, ни о каком «предмете и методе» речи уже нет, а просто: «Экономия политическая не что иное как метания буржуазно-экономической мысли из стороны в сторону в одном стремлении — уйти от острых вопросов действительности, отвлечь от них внимание, затушевать или обойти их». Так заканчивается пространная статья, содержащая обзор основных направлений экономической мысли XIX века.¹³ Это уже почти «Экономикс»! Не хватает С. И. Солнцеву лишь жесткости формулировок. Но уже вышла Малая Советская Энциклопедия, где мы находим четкое, продуманное определение: «Политическая эконо-

¹² Л. Д. Широкопад. Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода. Изд-во ЛГУ, 1974. С. 91–96.

¹³ Вспомните слова К. Маркса об экономистах как «ученых представителях буржуазного класса».

мия в узком смысле слова есть наука о законах возникновения, развития и гибели (! — «Э.Ш.») производственных отношений товарно-капиталистического общества» (МСЭ. 1-е изд. Т. 10. 1931. С. 183).

Ну а поскольку «гибель» товарно-капиталистического общества сменилась вскоре его «общим кризисом», а потом «загниванием», политэкономам не осталось ничего иного, как сосредоточиться на изучении и комментировании самих пророчеств о гибели «товарно-капиталистического общества».

Преподавание политической экономии (с подразделением на политэкономии капитализма и социализма) было восстановлено в советских вузах фактически лишь в 1937 г. Но теперь это была уже не наука, а элемент идеологии, «одна из составных частей марксизма-ленинизма (вместе с философией и научным коммунизмом)» (БСЭ. 3-е изд. Т. 20. С. 221).

Сейчас происходит восстановление статуса экономической теории, как основной экономической науки и учебной дисциплины. Многие кафедры политической экономии уже сменили название на кафедры общей экономической теории. И если выпуск русского перевода учебника К. Макконнелла и С. Брю будет безусловно способствовать возрождению экономической науки и образования в России, то этого нельзя сказать о крайне неудачном, даже беспечном выборе русского заглавия учебника. Ничего, кроме старых идеологических клише, с неологизмом «Экономикс» не ассоциируется.

Хотелось бы надеяться, что недалеко то время, когда появятся оригинальные, написанные отечественными авторами учебники *экономики*, или, если угодно, *экономической теории*, что российским студентам никогда не придется изучать учебную дисциплину под названием «Экономикс», как не изучают они «Мафематикс» (англ. — Mathematics), или «Статистикс» (англ. — Statistics), или «Физикс» (англ. — Physics), или «какое-то сих подобий нечто».